

Поиск языка: Публичные речи в императорской России

Екатерина Болтунова

«Я произнес перед вами слово истины»:

РЕЧИ АЛЕКСАНДРА I В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ
ФИНЛЯНДСКОМ И ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ¹

Ekaterina Boltunova

"I Have Spoken the Word of Truth Before You!":

Alexander I's Speech in the Grand Duchy of Finland and Congress Poland

Екатерина Болтунова (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»), заведующий Международной лабораторией региональной истории России; кандидат исторических наук) ekboltunova@hse.ru.

Ключевые слова: политическая риторика, публичные речи, Екатерина II, Александр I, Уложенная комиссия, Царство Польское, Великое княжество Финляндское

УДК: 93/94+323.2

В статье рассматривается процесс складывания политической риторики в России начала XIX столетия на примере речей Александра I к сеймам Великого княжества Финляндского (1809) и Царства Польского (1818, 1820, 1825). Анализ источников проводится в сравнении с материалами предшествующего периода (речь Екатерины II при открытии Уложенной комиссии в 1767 году) и интерпретируется в контексте

Ekaterina Boltunova (PhD; Head, International Laboratory of Russia's Regions in Historical Perspective, National Research University "Higher School of Economics") ekboltunova@hse.ru.

Keywords: political rhetoric, public speech, Catherine the Great, Alexander I, Legislative Commission, Congress Poland, Grand Duchy of Finland

UDC: 93/94+323.2

This article provides analysis of the formation of political rhetoric in Russia at the beginning of the 19th century using the example of Alexander I's speeches to the parliaments of the Grand Duchy of Finland (1809) and the Kingdom of Poland (1818, 1820, and 1825). The analysis is carried out by comparing sources to those of the previous period (e.g., Catherine the Great's speech at the opening of the Legislative Commission, 1767) and is interpreted in

1 Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор выражает благодарность за помощь в работе над статьей коллегам из Международной лаборатории региональной истории России НИУ ВШЭ, особенно Полине Левиной, осуществившей перевод с французского языка речи Александра I.

коммуникации не только с Финляндией и Польшей, но и с Российской империей в целом. Автор демонстрирует разрыв, произошедший в политической риторике за указанный период и рассматривает формы передачи установок власти в этот период. В качестве приложения к статье опубликованы две речи Александром I, произнесенные перед Польским сеймом 1818 года.

the context of communication not only with Finland and Poland, but with the Russian Empire as a whole. The author demonstrates the shift that occurred in political rhetoric over the course of this period and examines forms of communicating political ideas at this time. In the appendix to this article, two speeches by Alexander I are published, which were given before the Polish Sejm in 1818.

В современной историографии, зачастую безотносительно исследовательской перспективы и методологической рамки конкретных работ, образ российского императора — и монаршей власти в России в целом — оказывается достаточно плотно увязан с рефлексией на тему авторитарности. Такая установка делает малопредставимым анализ вопросов прямой речевой коммуникации императора с подданными (или их представителями) в рамках публичной сферы, по крайней мере в отношении начала Нового времени. Эта же перспектива оформляет воззрение о том, что в XIX веке в России публичная речь отсутствовала, а российская традиция политической риторики, имеющая в виду исключительно цели легитимации власти, была выстроена сверху вниз и не могла быть диалогичной по определению. Указывается также, что это обусловило формы, которые приобрела парламентская речь, появившаяся после революции 1905 — 1907 годов [Nicolosi, Wargin 2019]. Установки схожего порядка заставляют исследователей активно обращаться к изучению непрямых форм коммуникации, таких как, например, символические декларации или монаршие путешествия [Уортман 2004; Ибнеева 2009].

Вместе с тем в данном случае мы имеем дело с тем, что можно было бы назвать, используя пушкинское выражение, «предрассудком любимой мысли» — в истории Российской империи есть период, характеризовавшийся достаточно интенсивной коммуникацией монархов с подданными — в 1810—1820-х годах император Александр I несколько раз обращался к депутатам Великого княжества Финляндского (1809) и Царства Польского (1818, 1820, 1825).

Следует отметить, что полный состав императорских речей этого периода до настоящего момента не анализировался как единый пласт материалов. Даже широко известная и неизменно упоминаемая в литературе речь Александра I на первом сейме Царства Польского 1818 года сама по себе изучалась мало. Исследователи также не принимают во внимание, что речам на открытие представительств соответствовали и выступления, произнесенные в день их закрытия. При этом последние имели вполне содержательный, а не ритуальный характер.

Тот факт, что монаршие речи этого периода не были выведены в центр интерпретационной модели, а маркировались всего лишь как словестное оформление интенций верховной власти, можно объяснить, как ни парадоксально, историографической установкой на изучение конституционных проектов Александра I. Либеральные речи императора, обращенные к жителям западных областей, становились в этой парадигме отправной точкой для дискуссии о статусе финляндских и польских территорий по отношению к Российской империи (независимое государство, автономия, личная уния и т. д.) или рефлексии относительно существовавших, но не реализованных конституционных

проектов в самой империи. Обсуждение форм политической субъектности Великого княжества Финляндского и Царства Польского или — во втором случае — в анализе причин неполучения российским обществом статуса политического актора [Ajnenkiel 2001; Мироненко 1989; Ващенко 2000] заслонила вопрос о возникновении в России на границе раннего Нового и Нового времени такого интересного явления, как практика императорских речей, обращенных к подданным.

В этой статье я проанализирую тексты речей Александра I, написанных для выступлений перед представителями Финляндии и Польши и попробую ответить на ряд вопросов относительно содержания явления как такового. Прежде всего, как и о чем говорил со своими подданными император Александр I, был ли он создателем традиции и прервалась ли она с его смертью? Были ли речи монарха, как принято думать, монологичными декларациями, нацеленными исключительно на легитимацию власти и мало привязанными к сиюминутной политической и социальной реальности? И наконец, с учетом адресации выступлений жителям Финляндии и Польши, как именно процессы такого рода отражают официальный взгляд на существовавшее имперское многообразие?

До Александра I

Прежде всего отметим: российская традиция прямого обращения к подданным начинается еще при Екатерине II. За полстолетия до первой речи Александра I в Варшаве, то есть, по Я. Ассману, все еще в рамках коммуникативной памяти, бабка императора запустила процесс схожего порядка. Речь идет о событиях, ставших частью истории Уложенной комиссии (1767–1768), созданной для кодификации законов Российской империи и являвшейся достаточно широким сословным представительством.

Отличительной чертой работы Комиссии был не только написанный императрицей «Наказ» и указы депутатов от разных территорий и учреждений, но и речь государыни, адресованная представительству. 30 июля 1767 года, во время церемонии открытия Уложенной комиссии, справедливо названной О. Омельченко «дополнительной “общественной” коронацией» Екатерины II [Омельченко 2007: 35–36], после торжественного шествия в Успенский собор Московского Кремля, литургии и подписания присяги депутаты были собраны во дворце. Здесь они были представлены императрице, а вице-канцлер А.М. Голицын произнес от лица государыни речь. Интересно, что Екатерине II не потребовался язык-медиатор — ее обращение было написано на русском языке, но коммуникация была проведена через посредника. Вместе с тем во время чтения монаршего обращения Екатерина II присутствовала в зале², а значит, у депутатов не оставалось сомнений, что фактически с ними говорила сама императрица.

По окончании речи депутатам был вручен «от рук Ея Императорскаго Величества Наказ и Обряд управления Комиссии о составлении проекта Новаго Уложения», то есть система правил и установок, которыми надлежало руко-

2 Сборник Русского исторического общества. Т. 4. СПб., 1869. С. 35–40; Санкт-Петербургские ведомости. 1767. Прибавление к № 68 (24 августа); Прибавление к № 69 (28 августа).

водствоваться во время депутатской работы³. «Наказ» был несомненным свидетельством личной вовлеченности императрицы в процесс.

В речи Екатерины II содержалось описание системы отношений между монархом и подданными. Себя императрица представила как мать отечества, главная цель которой — видеть свой народ счастливым и процветающим («Ея желание есть, видети свой народ столь счастливым и довольным»). Подданные, цenia заботы императрицы, отвечали ей искренней любовью («возбудили ту доверенность и детскую любовь к Ея особе, которую не только во всяком из предстоящих здесь ныне легко приметить можно»). В речи прямо говорилось, что взаимная любовь монарха и подданных позволяла государыне поручить депутатам великое дело; депутаты же должны были оправдать возложенное на них доверие и осуществить работу на благо рода человеческого, безопасности и «блаженства» сограждан. Примечательно и содержащееся в монаршей речи утверждение, что дело, порученное собравшимся, станет предметом гордости всего света («От вас ожидают примера *вся подсолнечные народы*; очи их на вас обращены»⁴). В целом екатерининская декларация представляла собой сочетание рассуждений об общественном договоре и призыва к депутатам выполнить свой долг с чистыми помыслами и в соответствии с божьими установлениями.

Екатерина II обратилась к депутатам и после завершения работы Уложенной комиссии. Впрочем, это «обращение» было реализовано посредством чтения документа без присутствия государыни. 15 декабря 1768 года маршал Комиссии объявил депутатам о том, что к нему поступил указ императрицы о ее закрытии⁵.

Важно, что обращение императрицы Екатерины II было развернуто на всю территорию империи, а не на какой-либо отдельный регион. В случае с этим первым обращением монарха к подданным был соблюден и принцип публичности — речь императрицы на открытие Уложенной комиссии была опубликована в «Санкт-Петербургских ведомостях» месяц спустя⁶. Декабрьский манифест также появился в прессе, однако несколько позже — весной 1769 года⁷.

Традиция обращения к подданным империи, созданная Екатериной II во второй половине XVIII века, пережила взлет в годы царствования ее внука, но не была исчерпана с окончанием правления императора Александра I — в 1830 году за несколько месяцев до начала ноябрьского восстания его брат и преемник на престоле Николай I произнес перед сеймом Царства Польского две традиционные речи, на открытие и на закрытие представительства [Coup d'oeil sur l'état politique 1832: 326]⁸.

Александр I в Финляндии

История выступлений Александра I перед представительными органами ряда имперских территорий начинается в Финляндии, перемещаясь затем в Поль-

3 Сборник Русского исторического общества. Т. 4. С. 43.

4 Там же. С. 38—39.

5 Сборник Русского исторического общества. Т. 36. СПб., 1882. С. 145—147.

6 Санкт-Петербургские ведомости. 1767.

7 Санкт-Петербургские ведомости. 1769. Прибавление к № 24 (24 марта).

8 См. также: Северная пчела. 1830. № 62. С. 1—2.

шу — император выступил перед сеймом Великого княжества Финляндского 1809 года и лишь девять лет спустя произнес первую речь перед сеймом Царства Польского. В историографии, для которой, как уже упоминалось, речи Александра оказываются неотделимы от его конституционных проектов, финляндское выступление трактуется как пролог к польской речи. Однако подтверждает ли подобную установку сопоставительный анализ самих текстов и действительно ли в этом случае «после» оказывается «вследствие»?

Выступления императора на открытии сейма в Борго 16 (28) марта 1809 года и при закрытии заседаний представительства месяц спустя были лаконичными. Обе они были произнесены императором лично. Монарх прочел текст на французском языке; сразу после этого речь была зачитана на шведском [Суни 2013: 21]. При этом на первую речь Александра I последовал ответ епископа Я. Тенгстрема и представителя от крестьян [Бородкин 1911: 115].

При открытии сейма Александр, подтвердив намерение сохранить шведскую конституцию, призвал депутатов принимать решения следуя любви к отечеству и порядку. При этом жители Финляндии были названы максимально просто и обобщенно — «добрым и честным народом». Речь императора прямо констатировала факт завоевания («права, предоставленные Мне военным счастьем»). При этом император фактически повторял установки, которые нашли выражение в двух манифестах 1808 года о присоединении или, как это формулировалось в документах, «покорении» Финляндии. В них монарх описывал произошедшее в рамках классической парадигмы победившей стороны — безопасность России потребовала войны, войска, «превозмогая все трудности им предстоявшие, пролагая себе путь чрез места, кои по настоящее время считались непроходимыми, повсюду встречая неприятеля и храбро поражая его, овладели и заняли всю почти Шведскую Финляндию». Итог событий был выражен в формулировке: «Страну, сию оружием Нашим... покоренную, Мы присоединяем отныне навсегда к Российской империи»⁹. Примечательно, что в манифестах положение Финляндии в иерархии территорий империи не артикулировалось как особое: «Под сению престола Нашего покоются многочисленные народы... вступив в состав Империи Нашей, вы приобрели тем самым равные права с ними». Жителем объявлялось, что всякое стремление о «восстановлении шведского... владычества» повлечет за собой «неминуемую... гибель и разорение [Шиловский 1903: 133—134]. Не удивительно поэтому, что в речи в Борго император не признавал за данность «политическое существование» территории. Последнее лишь обещало возникнуть в будущем.

В речи на закрытие сейма император констатировал переход, осуществленный финляндцами, — «добрый и честный народ» превратился в народ «лояльный», занявший (волей императора Александра и в результате состоявшегося сейма) «место в ряду наций под властью своих законов» (в альтернативном переводе — «возвышенные впредь до уровня наций, управляемых своими законами»). В тексте нарратив свободы, полученной из рук Александра I («сильный сознанием чистоты моих намерений, я оставил вашим суждениям полную свободу»), сочетался с призывом к подчинению и спокойствию, которое депутатам надлежало распространить «в глубь... провинций». Взаимоотношения финляндцев с подданными империи в речах никак не интерпретировались — это, очевидно, совершенно не беспокоило императора. Монарх заботился ис-

9 Полное собрание законов Российской империи. Т. 30. № 22911. С. 146.

ключительно о поддержании нового статус-кво со Швецией — депутатам предписывалось не «вспоминать о прежнем господстве» и надеяться на то, что мир России и Швеции восстановит прежнюю «дружбу» между государствами [Там же: 140—141]. Иными словами, вопреки декларациям, содержащимся в тексте, жители присоединенной Финляндии присутствовали в речи Александра скорее как объект приложения усилий императора, в том числе на внешне-политическом уровне.

Очевидно, что в Финляндии 1809 года император опробовал устойчивую европейскую практику прочтения двух речей самим монархом, а не посредником, использовал в текстах выступлений (также заимствованные из европейской традиции) нарративные структуры, такие, как, например, обещание монаршего расположения и будущего процветания, а также определил необходимость перевода речей с французского на язык официального делопроизводства территории.

Однако позиции, сформулированные в речах Александра I в Великом княжестве Финляндском, как будет показано выше, отличались от будущих позиций в отношении Царства Польского. Хотя формально александровский конституционный разворот и выстраивание коммуникации с подданными присоединенных территорий начинается с Финляндии, действия монарха здесь, на северо-западе, были сопоставимы скорее с традиционным для российских монархов признанием существующих прав и привилегий присоединенных областей. Собрание в Борго было ответом на текущую политическую ситуацию — в конце 1800-х годов перспектива очередного столкновения с Францией становилась все более осязаемой, что ставило вопрос об обеспечении безопасности недавно присоединенной территории. По точному определению Л.В. Суни, императору Александру «предстояло в самые сжатые сроки продемонстрировать обывателям Финляндии, что, в отличие от шведского периода, их положение в составе Российского государства будет иметь целый ряд преимуществ, и это должно было удержать финляндцев от какой-либо оппозиции Санкт-Петербургу в случае международного кризиса» [Суни 2013: 16].

В ментальной географии российской элиты того времени взгляд на Финляндию, без сомнения, отличался от взгляда на Польшу, а признание ее политической субъектности было совсем неочевидным. В отличие от речи в Варшаве 1818 года, которая вызвала в России многочисленные отклики от бравурных до резко осуждающих [Хартли 1998: 84—85; Black 1981: 1—19], появление Александра I на Боргоском сейме и его речь перед собравшимися менее чем за десятилетие до этого не вызвала сколько-нибудь существенного отклика у российской элиты.

На мой взгляд, более точным будет сказать, что финский проект приобрел символическое значение, а Финляндия — место среди территорий, претендующих на политическую субъектность лишь в связи с действиями Александра I в Царстве Польском. Показательно, что в прижизненном большом титуле Александра I Финляндия занимала пятнадцатое место по счету¹⁰, тогда как на надгробии императора она уже фигурировала в триаде — Российская империя, Польша и Финляндия. Проект надгробной надписи («Александр I, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский и Великий князь Финляндский и прочая и прочая и прочая») был утвержден 24 декабря 1825 года лично Николаем I¹¹.

10 Полное собрание законов Российской империи. Т. 37. № 25875. С. 195.

11 РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 472. Оп. 8. Д. 5. Л. 34.

Первые речи в Польше

Ключевое место в разворачивании процессов, о которых идет речь, занимают, безусловно, александровские выступления 1818, 1820 и 1825 годов на сеймах Царства Польского, вошедшего в состав империи в 1815 году.

Польские речи Александра и по форме, и по содержанию значительно отличались от его выступления в Финляндии. Прежде всего, они не носили сугубо инаугурационный характер. Монарх всегда открывал Польский сейм речью, в которой содержались достаточно пространные рассуждения общеполитического порядка и замечания относительно практических задач, стоявших перед сеймом, а в своей второй заключительной речи он подводил итоги обсуждения, обозначал позиции, которые были или не были реализованы. При этом Александр I представлял свое видение результатов, обсуждал свершенное и нереализованное в рамках принятого эмоционального нарратива — император общал сейму Царства Польского о том, что его обрадовало или — что бывало чаще — огорчило. Во время заседаний депутаты также обращались к императору с многочисленными и пространными речами. При этом вся коммуникация оказывалась четко простроенной и в достаточной мере содержательной, то есть не замкнутой в границах ритуальных речевых структур и форм проявления лояльности.

Александр I всегда сам произносил речи на сейме. Более того, император был автором по крайней мере первой из своих польских речей. Первоначально задача разработать проект текста 1818 года была поручена Иоанну Каподистрия. Однако содержание написанного им не удовлетворило императора, и в итоге Александр прочел на сейме речь собственного сочинения [Шильдер 1898: 82—84; Хартли 1998: 84]. И хотя вопрос о том, кто был автором последующих текстов, остается открытым, очевидно, что монарх всегда контролировал содержательную сторону процесса.

По заведенной традиции Александр I читал речь на французском языке, стоя на ступенях трона в зале сената Варшавского замка, а вслед за ними государственный секретарь Царства Польского зачитывал тот же текст на польском [Шильдер 1898: 88]. Император также стремился публично маркировать независимость разворачивавшихся прений — открыв сейм и проведя раунд полагающихся по этому случаю торжеств и празднеств, Александр традиционно уезжал из Варшавы, возвращаясь лишь к финальному заседанию [Там же: 459].

Переходя к анализу содержания речей императора, отметим, что оно не оставалось неизменным от года к году — оно отражало смещение политической линии и трансформацию собственных воззрений монарха. Вместе с тем сдвиги такого рода были не чем иным, как колебаниями в рамках одного тренда, который можно определить как стремление договориться с новыми подданными. Разговор шел лишь о том, какие аргументы для убеждения следовало использовать. Этот вывод позволяет поставить под сомнение трактовку, согласно которой обращения императора к сейму Царства Польского были в основном рассчитаны на западноевропейское общественное мнение. Пожалуй, в большей степени нацеленным на Европу был лишь блок речей 1818 года [Филатова 1995: 49].

В известной речи на открытие сейма 1818 года главным аргументом, который использовал император, стал призыв к братству. Еще в манифесте о при-

соединении к Российской империи Царства Польского монарх декларировал, что «соединение под единым скипетром обширнейшей части бывшего Герцогства Варшавского» означает, что «возрождаются узы братства племен, взаимно между собой и сопряженных единством происхождения»¹². Эта установка в середине 1810-х годов распространялась на всю территорию империи, то есть адресовалась как жителям Царства Польского, так и российским подданным монарха. Не удивительно поэтому, что в первой польской речи император апеллировал к категории «братство» несколько раз — он говорил о том, что Россия «простерла... братские объятия» к Польше, и призывал вознести благодарение Богу, который «связует народы братскими узами и ниспосылает на них дары любви и мира»¹³. Впрочем, востребованным стало артикулированное Александром в 1818 году прощение за участие поляков в войне 1812 года.

По существующим подсчетам, число поляков, состоявших в 1812 году в наполеоновской армии и воевавших против Российской империи, составляло 118,6 тыс. человек [Васильев, Неуважный 2004: 580]. Этот иностранный контингент был известен как наиболее надежный, а созданное под протекторатом Наполеона в 1807 году Герцогство Варшавское стало плацдармом для наступления на Россию. Однако уже в Париже в 1814 году император заявил одной из польских делегаций, пришедших просить у него почетной сдачи: «Я предаю прошедшее полному забвению, хотя я мог бы пожаловаться на многих лиц вашей нации, но я хочу все позабыть и видеть в вас лишь ваши доблести. Вы храбрецы, вы благородно выполнили свой долг»¹⁴. Забвение прошлого стало впоследствии основным мотивом монарших речей в Царстве Польском. Еще более интенсивно призывы забыть звучали в самой империи [Вишленкова 2004].

Вместе с тем в 1818 году параллельно разворачиванию идеи забвения прежних разногласий император попробовал сформулировать и идею прощения. В своей речи сейму он объявил: «Россия, после бедственной войны воздав по правилам христианской нравственности добро за зло, простерла к вам братские объятия и из всех преимуществ, даруемых ей победою, предпочла: единственно честь восстановить храбрый и достойный народ». В рамках предлагаемого нарратива Россия простила Польшу без предъявления каких бы то ни было претензий (существование такой возможности в речи проговаривалось — у победы были «преимущества») и забывала обо всем произошедшем, повинаясь христианскому завету воздавать «добро за зло».

Однако главным мотивом в речи Александра I 1818 года стал призыв к полякам отбросить прежние представления, ставшие причиной несчастий, постигших Польшу в прошлом. Император убеждал своих новых подданных отказаться от ложного пути, укрепить созданное им основание будущего благополучия и процветания. Мотив этот был подан эмоционально и с прямой апелляцией к этническому: «Поляки! Освободитесь от губительных предубеждений, причинивших вам толикие бедствия — от вас ныне самих зависит дать прочное основание вашему возрождению».

Выразительная речь на открытие сейма была дополнена бравурной речью на его закрытие. Риторика выступления была здесь риторикой восторга — им-

12 Полное собрание законов Российской империи. Т. 33. № 25842. С. 117—118.

13 Здесь и далее цитаты из речей 1818 года даны по Приложению к статье.

14 Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 125. Л. 29 об.

ператор восхищался формой управления территорией, которая существовала словно бы сама по себе, вне решений самого Александра; он преклонялся перед «истинным характером народного представительства», являвшимся «подлинным и совершенным выражением общественного мнения». Обороты и выражения, использованные в тексте выступления, демонстрируют, как император, выражаясь словами этой же эпохи, «искал» в своих подданных: «Ваше доверие составляет мое главное стремление, ваша привязанность — моя награда», «Я аплодирую, поскольку сей факт подчеркивает независимость ваших решений», «Я вернусь к вам, дабы радоваться вашим успехам на открытом вам прекрасном пути и дабы вы пожидали новые плоды...»

Интересно, что в речи Александра I на открытие сейма 1818 года статус Царства был выражен как двойственный — в отличие от Финляндии, которая в 1809 году была лишь «возвышена... до уровня наций», Польша стремится стать Европой («ненарушимость... внешних обязательств... назначают от ныне Польше достойное место между народами Европы») или уже являлась ею, подавая Европе пример. Александр отходил от екатеринской образности, в рамках которой деятельность Уложенной комиссии оказывалась как бы «на театре славы всего света». Для императора мир, хотя бы и в рамках риторических конструкций, был ограничен исключительно Европой.

Статус Польши и статус России в речи императора маркировались как несовпадающие. Александр выстроил здесь иерархию, которая нашла выражение в известных словах монарха о конституционном правлении: «Вы (поляки. — *Е.Б.*) мне подали средство явить моему Отечеству то, что я с давних лет ему приурочиваю». В речи на закрытие сейма монарх пошел дальше, определив статус Польши как принципиально субъектный — Царство Польское было названо «свободным и независимым государством (*un état libre et indépendant*). По сути, монарх, не находившийся в ситуации политического давления, заявлял (пусть и декларативно), что часть территории его империи была «свободна и независима».

Причины, заставлявшие Александра I вести себя в Польше подобным образом, связаны с представлениями конца XVIII — начала XIX века. В это время установки на формирование новых подданных, способных благодаря морали, образованию, манерам и французскому языку стать русскими европейцами, дополняются, а зачастую и вытесняются иными позициями. Согласно последним, по-настоящему цивилизованной страной Россию делают собственно европейские земли, то есть территории, маркирующиеся как европейские (при взгляде из другой географической точки трактовки могли быть радикально иными) и находящиеся под протекторатом России или же присоединенные к империи на ее западных границах. Основания таких воззрений можно обнаружить уже в павловских проектах, связанных с Мальтой¹⁵. В XIX же столетии, особенно после польских проектов Александра, ситуация перешла на новый уровень — земли, ставшие частью империи в постпросвещенческую эпоху, воспринимались как политический субъект по определению.

15 Примечательно, что в детализированном описании герба 1800 года корона Российской империи дополнялась короной Мальтийского ордена, при этом регалии оказывались расположенными на одном уровне.

Польские речи 1820 и 1825 годов

Спустя два года, в 1820 году, император открыл в Варшаве новый сейм. В это время, как справедливо отмечается в литературе, очарование, которое император испытывал относительно конституционного правления и Польши в целом, уже прошло [Хартли 1998: 77; Шильдер 1898: 204]. И хотя Александр еще не знал, что этот сейм станет оппозиционным, а депутаты развернут критику в отношении управления в присутствии самого монарха [Филатова 1995: 46, 63—64; George 1972: 17—18], его речь отличалась от деклараций 1818 года.

Император по-прежнему констатировал, что процветание Польши является «драгоценнейшим» из его желаний, а «узы братства», привязывающие поляков к России, «теснее скрепляются», создавая «неразрывный союз благоденствия между обоими Отечествами». Однако главным мотивом речи 1820 года стало увещевание. Александр I обрисовал картину происходящего в мире — над «частью Европы» уже парил «дух зла», а Польше предписывалось стать территорией, куда зло проникнуть не сможет. Император проповедовал полякам следование истине во всем ее «блеске», защиту законов «от пагубного влияния страстей, всегда беспокойных, всегда слепых», отказ от «суетных умствований», «частных приличий», «наушений недоброжелательства и соблазнов» и, наконец, «собственных видов». Монарх обратился к слушающим с призывом: «Явите Отечеству вашему, что, опираясь на опытность вашу, на ваши правила и чувствования, вы умеете соблюсти под сению законов спокойную *независимость* и чистую свободу; явите современникам, что сия свобода есть друг порядка и его благотворений и что вы пожинаете плоды ее»¹⁶.

Вместе с тем в этой речи, в основании которой лежала просвещенческая вера в силу слова, можно также обнаружить признак смены нарратива — Александр I решил прибегнуть к несвойственному для него указанию на выгоды, полученные польскими землями в составе Царства Польского: «Министры Мои представят вам обозрение всех мер образовательных и управительных, принятых и в действие приведенных в течение двух лет. Вы без сомнения с удовольствием удостоверитесь в пользе, от них последовавшей, сравнивая ее со всеми бедствиями, коих должно было изгладить следы, еще глубоко впечатленные». Вместе с тем, упомянув «выгоды», монарх сам снизил эффект от новой декларации, сообщив, что «желание достигнуть до сей цели, быть может, не всегда следовало по пути, предписанному устройством», из чего произошли «издержки»¹⁷.

Как уже упоминалось, монаршие увещевания услышаны не были. Содержание речи, закрывшей сейм, показывает, что император оценил итоги работы очередного представительства как нечто беспрецедентное и возмутительное. Закрывая сейм 1820 года, Александр I перешел к упрекам, граничившим с угрозами: «Вопросите совесть вашу, и вы познаете, оказали ли вы Польше, в продолжение ваших прений, все те услуги, коих она от мудрости вашей ожидала, или, напротив, мечтами нынешнего времени увлеченные, жертвуя надеждою, которую свершила бы предусмотрительная доверенность, вы замедлили совершенное восстановление Отечества вашего?» Император также

16 РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 147. Л. 4—5. Курсив мой. — Е.Б.

17 Там же. Л. 4.

прибег к ставшей уже табуированной в публичной сфере идее вины поляков за 1812 год («За зло воздано вам добром и Польша возведена снова на степень государств»)¹⁸. Более прямолинейно угрозу Александра I представил еще до закрытия сейм Николай Новосильцев, заявивший сенаторам: «Имейте в виду, господа, что вам как даровали конституцию, так могут и отобрать ее» [Хартли 1998: 77].

Вместе с тем в речи императора среди проявлений неудовольствия уже содержалось обещание простить («Неприятные впечатления могут, однако ж, потерять свою силу»). Александр заявил, что не желает «сию минуту разбирать причины» отказа от предложенных проектов, и указал на возможность примирения, если депутаты принесут «с собой в дома свои мир и согласие, распространяя в оных сей дух тишины и безопасности», будут следовать «предначертанным правилам» и укрепляться «умеренностью»¹⁹.

В целом к началу 1820-х годов у Александра I и его круга наметилась потребность изменить содержание диалога с представителями Царства Польского — установки на то, что слово само по себе сможет остановить, перевоспитать и успокоить, не девальвировались полностью, но потребность в новом круге идей, символов и знаков обозначилась достаточно явно.

Третья, последняя речь императора перед депутатами, произнесенная в 1825 году, была самой лаконичной. Император сохранил прежнюю трактовку событий в Европе и в Российской империи («бедственные происшествия произвели в Европе всеобщее волнение, угрожавшее благосостоянию всех народов») и заявил о своем стремлении остановить развитие «зародыша беспорядка». Вместе с тем выступление Александра было практически целиком основано на интерпретации позиций экономического плана, что прежде для российского монарха было нетипично. Фактически очередной призыв к полякам сохранять спокойствие теперь зиждился не на стремлении указать на «братство народов», а убедить их в прямых выгодах присоединения к империи. Император пространно рассуждал о быстрых успехах промышленности, о развитии торговли с Пруссией, об открытии для польских товаров российского рынка. Он прямо коснулся вопроса денег — указывал на сокращение национального долга, увеличение государственных доходов и сокращение дефицита²⁰.

Следует отметить, что обращение российского монарха к категории «выгода» нельзя трактовать как очередной аргумент. В данном случае речь шла о преодолении известного внутреннего сопротивления — публичное обсуждение чего-либо в подобных категориях было для Александра I и Романовых этого времени совершенно нетипичным. Согласно аристократическим воззрениям эпохи, о деньгах, прибыли или материальных «выгодах» надлежало думать купцам (примечательно, что великий князь Константин Павлович, критически отзываясь о действиях англичан, неизменно повторял, что «барыш» для них важнее веры²¹); аристократам же, или тем более представителям династии, следовало предаваться рассуждениям иного, высокого порядка. Интересно, что, в отличие от Александра I, обращавшиеся к императору с речами

18 Там же. Л. 35—36 об.

19 Там же. Л. 35 об. — 36.

20 Там же. Л. 48—49.

21 Константин Павлович, великий князь. Переписка великого князя Константина Павловича с графом А.Х. Бенкендорфом // Русский архив. 1884. № 6. С. 287.

польские депутаты начали использовать аргумент экономической выгоды, полученной в результате присоединения Польши к России, много раньше. Так, министр внутренних дел и полиции Тадеуш Мостовский, выступая в 1818 году, говорил о прагматической пользе нового состояния — сразу после войны польские земли были снабжены солью, был разрешен ввоз товаров, военное ведомство раздало земледельцам тысячи лошадей, были запрещены реквизиции, отменено взыскание недоимок и личных податей. Все это, по подсчетам министра, принесло Царству доход в сумме около 6 млн флоринов в год [Майков 1903: 426]. В 1818 году подобный взгляд на ситуацию был Александру не близок — император предпочитал говорить языком возвышенным, рассуждая о прощении, забвении и восстановлении польской нации. Однако к 1825 году, понимая исчерпанность прежних деклараций, монаху пришлось прибегнуть и к этому низкому аргументу.

Описав картину экономического процветания, Александр I озвучил и две просьбы, первая из которых была вполне предсказуемой — император снова призывал к политическому порядку в Царстве («отвергать всякое уступление, противное вашему собственному счастью»)²². Александр также рассчитывал на решение вопроса об ограничении разводов, которые были разрешены в Царстве по Гражданскому кодексу Наполеона [Фалькович 2006; Przelaskowski 1929: 114—116]. Стремясь повлиять на решение сейма, Александр I говорил о божественных установлениях: «...религия, сей источник всех добродетелей, сие основание всех человеческих постановлений, требует, кажется, пересмотра некоторой части вашего гражданского уложения». Поправки в закон о браке вызвали на сейме интенсивную дискуссию и были приняты в существенно измененном виде — разводы с этого момента были затруднены, но не отменены окончательно [Ibid.].

Краткая речь императора на закрытии сейма не содержала бурных проявлений радости относительно неуступчивости сейма, которой император «аплодировал» в 1818 году — Александр I констатировал, что депутаты «удовлетворили ожидания своего Отечества» и оказали «разумное и законное почтение» церкви. В рамках стандартной формулы император заверил сейм в своем благоволении и в том, что все представленные ему прошения будут рассмотрены, а «следы несчастий» стерты. Уезжая, монарх провозгласил неизменное: «Я сохраняю глубокое впечатление, кое всегда будет соединено с желанием доказать вам, сколь чистосердечна признательность, которую я к вам испытываю, и сколь ваш образ действий влияет на ваше будущее» [Coup d'oeil sur l'état politique 1832: 292—293].

В период проведения сеймов, в которых участвовал российский император, главная установка монарха не претерпела изменений в своей основе — стремясь установить новый общественный договор, Александр I увещевал и уговаривал слушавших его депутатов; он стремился убедить поляков осознать собственное привилегированное положение и утвердиться в своей связи с Россией и лояльности Романовым. Риторические установки при этом трансформировались от универсалистских призывов в 1818 году и угроз 1820 года к указаниям на экономическую выгоду, которая вышла на первый план в речи императора 1825 года. Вместе с тем основой взаимодействия все так же оставалась потребность договориться, острые высказывания неизменно сглаживались,

22 РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 147. Л. 49.

а скрытая угроза непременно содержала в себе обещание прощения. При этом, по мысли императора, с «храбрым польским народом», в отличие от «лояльного народа» Финляндии, надлежало вести долгий и обстоятельный разговор о материях политического или экономического порядка, искать возможности убеждения и формировать нарратив братства.

Коммуникация с империей

Особенностью коммуникации императора Александра с Польским сеймом было то, что она разворачивалась на глазах его российских подданных. В отличие от периода правления Екатерины II, точкой приложения усилий Александра I была Польша и лишь опосредованно Россия. Как уже упоминалось, все речи императора были написаны и произносились на французском. Переводы этих выступлений на русский язык появлялись в газетах, как правило в «Санкт-Петербургских ведомостях» и «Северной почте, или Новой Санкт-Петербургской газете» в течение месяца после произнесения в Варшаве; они также выходили отдельными брошюрами²³. При этом важно, что опубликованные в России переводы не имели содержательных изъятий.

Однако процесс информирования подданных империи о происходившем в Царстве имел свои особенности, а новости о варшавских речах императора распространялись не всегда равномерно. Первый сейм 1818 года был освящен достаточно подробно, включая публикацию обеих речей²⁴. Два года спустя в российских газетах появилась лишь речь императора, произнесенная в день открытия сейма 1820 года, а текст выступления в день закрытия собрания не был доведен до сведения публики. Александровские речи 1825 года опубликованы не были, хотя «Санкт-Петербургские ведомости» упоминали поездку императора в Польшу и приводили выдержки из указов государя, данных во время путешествия²⁵. Все это отличало российские публикации от польских, где в печати всегда появлялись обе речи императора, многочисленные обращения к нему депутатов²⁶, а выражавшая в это время официальную позицию «Газета Варшавска» освещала даже некоторые выступления, содержавшие критику законопроектов [Филатова 1995: 54]. Оригинальный вариант выступлений монарха, как и его перевод на польский язык, публиковался в польских и литовских газетах в течение нескольких дней после события²⁷, а затем появлялся и в отдельных изданиях.

Польские речи императора, опубликованные в России, становились формой передачи политических установок власти в отношении Царства Польского. Очевидно, что после 1818 года, когда Польский сейм наиболее полно освещался в прессе, а затем широко обсуждался в российском обществе, наступил иной этап — правительство пыталось найти правильный формат презентации

23 Санкт-Петербургские ведомости. 1818. № 26. С. 1–2 (293–294); 1820. № 50. С. 1–2 (977–978); Северная почта. 1818. № 26. С. 113–114; № 35. С. 153–154.

24 Северная почта. 1818. № 26. С. 113–114; № 31. С. 136; № 35. С. 153–154.

25 Санкт-Петербургские ведомости. 1825. № 48. С. 605; № 49. С. 617; № 50. С. 629.

26 Kurjer Warszawski. 1825. № 114. S. 1; № 140. S. 1; 1830. № 143. S. 1; № 171. S. 1.

27 Kuryer Litewski. 1818. № 25. S. 2–3; Gazeta Lwowska. 1820. № 110. S. 2–4; № 121. S. 3; 1825. № 57. S. 3–4; № 70. S. 3; Kurjer Warszawski. 1825. № 114; S. 1–3; № 140; S. 1; Gazeta Warszawska. 1825. № 77. S. 1–3.

в России своего отношения к Царству Польскому и его общественному представительству. Поиск этот, очевидно, проходил непросто — применительно к 1820 и 1825 годам мы видим варианты выборки информации. Нужно отметить, что это не обязательно затрудняло циркуляцию польских новостей в среде элиты русского общества — по-французски говорили все, а польский язык был очень популярен. Судя по частным архивам высших чиновников и военных, речи читались и коллекционировались, часто в списках. Так, в фонде Арсения Закревского отложился большой объем материалов за 1820 и 1825 годы — программы заседаний сейма, все речи императора, как на французском, так и в переводе, а также речи, обращенные на сейме к самому Александру I, в частности тексты выступлений Станислава Потоцкого и Раймонда Рембелинского²⁸.

В целом коммуникация императора с подданными через посредство речей, произнесенных перед их представителями, не являлась новацией Александра I, равно как и не завершилась с его правлением. Вместе с тем важно отметить разрыв, произошедший между екатерининским и александровским царствованиями. Обращение Екатерины II к Уложенной комиссии не стало основой для формирования полноценной традиции — Просвещение, закрепившее ориенталистский взгляд российской элиты на себя, сформировало восприятие, в рамках которого прямая коммуникация монарха с подданными была осмыслена в качестве действия, совершаемого исключительно на территориях, маркированных как европейские — в Польше, а затем и в Финляндии. С завершением работы екатерининской Уложенной комиссии обращение государя к подданным империи происходило лишь в форме манифеста.

В содержательном отношении александровские речи в Царстве Польском представляли собой постоянный поиск формулы, способной убедить жителей этой территории, что их положение в империи было истинно верным — их права соблюдались, их привилегии не нарушались, а регион экономически процветал. Всем остальным подданным императора надлежало наблюдать усилия власти по поиску компромисса с поляками, которые в России того времени были осмыслены изнутри диаметрально противоположных конструкций — вековой вражды и славянского братства.

Приложения

1. Речь, произнесенная государем императором Александром I при открытии сейма Царства Польского (15 (27) марта 1818 г.)²⁹

Представители Царства Польского!

Надежды ваши и мои желания совершаются! Народ, который вы представлять призваны, наслаждается наконец собственным бытием, обеспеченный созревшими уже и временем освященными установлениями.

28 РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 147. Л. 2—51.

29 Речь императора Александра I на Сейме в Варшаве 1818 г. // Русская старина. 1873. № 5. С. 612—615.